

зала 20.
шкафъ 62.
полка 3.
№ 144.

О

последней поѣздкѣ въ Крымъ и послѣднихъ дняхъ жизни, синодальнаго члена, преосвященнаго Иннокентія, бывшаго архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.

Хочу сказать здѣсь только то, что я самъ видѣлъ, самъ слышалъ, или чему самъ былъ свидѣтелемъ.

Епархіальныя дѣла Крыма и въ этомъ году *) не-
удержимо влекли къ себѣ попечительнаго архипастыря. —
Опустошенная войною святыня края, раззоренные мо-
настыри и церкви, неустроенныя кладбища падшихъ во
брани воиновъ, — все снова требовало личнаго усмотрѣнія
и распоряженія святительскаго. Кромѣ того, пастырская
любовь его еще и еще искала молитвеннаго общенія съ
тѣми, кому болѣе всѣхъ суждено было испытать тяжкій
жребій минувшей войны. Для сего преосвященный предпо-

*) 1857-мѣ. — Архiep. Иннокентій ѣздилъ въ Крымъ предъ самымъ
вторженіемъ непріятеля, тотчасъ послѣ вторженія и въ 1855 г., когда
пришлось посѣтить и осажденныхъ въ Севастополѣ. Прим. о. П. Н. И. С.

лагалъ еще въ великій постъ ѣхать въ Таврію, служить Страстную седмицу въ Симферополѣ, а «Христосъ Воскресе» пропѣть на могилахъ севастопольскихъ; потомъ осмотрѣть Крымъ до самой Керчи, — и затѣмъ, къ проводамъ, опять возвратиться на развалины Севастополя, къ гробамъ славныхъ его защитниковъ. Только множество самыхъ серьезныхъ занятій остановило эту раннюю поѣздку, которая, по плану преосвященнаго, должна была быть началомъ къ дальнѣйшему путешествію его по херсонотаврической епархіи.

По возвращеніи изъ Крыма, онъ предполагалъ заняться серьезно поправленіемъ своего здоровья, которое въ этомъ году, по собственнымъ словамъ его, значительно измѣнилось къ худшему, — часто говаривалъ онъ въ бесѣдѣ: «старость беретъ», — потомъ съѣздить на Дунай, въ новоустрояемый скитъ Оерапонтіевскій, и лично распорядиться тамъ всѣмъ; затѣмъ посѣтить другія мѣста епархіи, особенно церкви въ военныхъ поселеніяхъ. 15 Апрѣля, вечеромъ, его преосвященство приказалъ мнѣ готовиться въ дорогу: «ѣдемъ въ Крымъ, говорилъ онъ, тамъ у насъ много дѣла, а время дорого. Тебя, вѣдь, ничто особенное не можетъ удержать здѣсь»? — Я упомянулъ о дѣлахъ семейныхъ. — «Ничего, прервалъ владыка, Богъ дастъ, все уладится и безъ тебя. Къ тому же, у васъ здѣсь родные. Да, мы возвратимся недѣли черезъ три». — Тутъ подошла игуменія Архангело-Михайловскаго монастыря съ сестрами. Благословляя ее, преосвященный сказалъ: «поручаю васъ Архистратигу Михаилу; онъ вамъ будетъ заступникъ. Кланяйтесь и снесите мое благословеніе всѣмъ въ обители». Трогательный тонъ, съ которымъ говорилъ владыка, извлекъ слезы изъ глазъ настоятельницы.

«Съ Богомъ! Прощайте», повторилъ онъ, и, вручивъ четки плачущей, быстро удалился въ свои покои.

Наканунъ отъѣзда въ Крымъ, я болѣе часу пробылъ у его преосвященства. Онъ особенно благодушествовалъ, вспоминалъ свою службу въ академіяхъ, объяснялъ причины поспѣшнаго написанія *Послѣднихъ* дней земной жизни Спасителя и Жизни св. апостола Павла : «нужно было это для «Христіанскаго Чтенія», говорилъ владыка; съ В. Б. Б. и Г. П. П. дружно взялись мы за дѣло. Тогда-то появились и *Послѣдніе* дни земной жизни Спасителя. И почему они такъ понравились всѣмъ, — право не знаю ; что въ нихъ такое есть особенное ? Въ то время на мнѣ лежало столько работы, что, кажется, если бы еще на одинъ лишній годъ остался я въ академіи, — я бы умеръ. Но меня перевели въ Кіевъ. Здѣсь хотя также много было работы, но не срочной, и я отдохнулъ, благодареніе Богу... Такъ братъ, надобно трудиться, да разумно трудиться — всѣмъ намъ, — не сидѣть даромъ, сложа руки. Тогда будетъ польза для Церкви»... Особенно долго и съ увлеченіемъ говорилъ онъ о предметъ, постоянно занимавшемъ его, — о нашемъ русскомъ крестьянствѣ.

17 Апрѣля — день рожденія Государя Императора былъ днемъ послѣдняго священнодѣйствія преосвященнаго въ Одессѣ. Оставляя любимый храмъ соборный, чувствовалъ ли онъ тогда, что живой не войдетъ въ него болѣе ?

Блаженно-почившій архипастырь предполагалъ выѣхать въ путь нѣсколькими днями раньше, но остался въ Одессѣ отпраздновать священный день рожденія Его Величества. Того же дня, въ 6 часовъ вечера, послѣ обѣда у генералъ-губернатора, онъ отправился въ дорогу, столько разъ откладываемую. Предъ отъѣздомъ зашелъ, по обыкновенію,

въ Крестовую церковь, приложился къ иконѣ Касперовской Богоматери, сотворилъ три земныхъ поклона, благословилъ домашнихъ. При этомъ онъ былъ въ невеселомъ расположеніи духа и неразговорчивъ.

Быстро проѣхавъ города Николаевъ, Херсонъ, Алешки и Перекопъ, и дѣлая мѣстами распоряженіе по проѣзжаемымъ благочиніямъ, 20 числа прибылъ въ мѣстечко Ак-мечеть, перекопскаго уѣзда. «Надобно освятить это мѣсто, говорилъ владыка, оно много вытерпѣло въ минувшую войну». Дорога покрыта развалинами татарскихъ ауловъ, и на сто верстъ кругомъ совершенная пустота. «Какъ больно, замѣчалъ преосвященный не разъ, что такія мѣста, какъ въ нашемъ Крыму, — гдѣ слѣдовало бы жить своимъ и людямъ трудолюбивымъ, — населены были племенемъ тунеяднымъ и неблагодарнымъ къ Россіи!... Сколько хлопотъ было намъ усмирить ихъ»... Въ Ак-мечетской церкви, — опозоренной бунтовщиками Татарами и поврежденной отъ выстрѣловъ съ непріятельскихъ кораблей, — архипастырь совершилъ молебствіе съ водоосвященіемъ, и собравшимся поселянамъ ласково преподавъ миръ и благословеніе. На дорогѣ изъ Ак-мечети къ Евпаторіи сказалъ мѣстному благочинному: «отсюда не далеко имѣніе генеральши Поповой. Ея крестьянамъ далеко обращаться въ Ак-мечетскую церковь; приготовьте отъ меня отношеніе къ г-жѣ Поповой объ устройствѣ тамъ молитвеннаго дома. Жаль весьма, что на такихъ пространствахъ, ѣдешь, ѣдешь, и не на что перекреститься»... 21 числа — служеніе въ раззоренной Евпаторіи. Послѣ литургіи архипастырь обратился къ гражданамъ съ привѣтомъ мира и выраженіемъ живой радости объ окончаніи ихъ бѣдствія, и заключилъ слово пастырскимъ благожеланіемъ — пешишь объ охраненіи града отъ плѣна

и враговъ духовныхъ. Изъ собора прямо отправились на мѣсто, гдѣ, во время двукратныхъ покушеній исторгнуть Евпаторію изъ рукъ непріятелей, легло нѣсколько тысячъ нашихъ воиновъ.

Дорогою, на слова сопровождавшаго его, евпаторійскаго городничаго Гусакова, офицера объ одной ногѣ: преосвященнѣйшій владыко, поберегитесь, погода очень вѣтренная, — отвѣчалъ: «насъ-то беречь? — Васъ беречь, такихъ героевъ, вотъ кого беречь». На солдатскихъ могилахъ отслужена панихида. Преосвященный долго молился, вмѣстѣ съ гражданами оплакивая кончину падшихъ, и заповѣдалъ соорудить памятникъ героямъ съ часовнею внутри, если можно — изъ бомбъ и ядеръ, и совершать о нихъ поминовеніе ежегодно 23 Апреля, въ день великомученика Георгія. На память объ евпаторійскихъ дѣлахъ, по желанію преосвященнаго, доставлено ему нѣсколько ядеръ, тамъ собранныхъ. За обѣдомъ у генерала Анастасьева, преосвященный высказывалъ свои замѣчанія о причинахъ неудачной дипломатической поѣздки князя Меншикова въ Константинополь, и удивлялся тому спокойному расположенію, въ какомъ онъ — преосвященный, путешествуя по Крыму, предъ высадкою непріятельскою, нашелъ тамъ наше войско, тогда какъ во всѣхъ иностранныхъ газетахъ писали уже объ экспедиціи противъ полу-острова. Послѣ обѣда приѣхъствовали его преосвященство начальники караимскаго евпаторійскаго общества.

Въ Евпаторіи приказано было мнѣ, совмѣстно съ настоятелемъ собора, осмотрѣть всѣ происшедшія отъ войны поврежденія и утраты церковныя, сообразить средства, какія подъ рукою, къ восполненію утраченнаго, и составленную о томъ подробную записку, въ свое время, представить

архипастырю. Рѣшено окончательно, древній генуэзскій храмъ, близъ собора, занимаемый еврейскою синагогою, обратить въ храмъ христіанскій. Во все это время его преосвященство былъ здоровъ и веселъ.

22-го числа — Симферополь. Архипастырь прибылъ сюда, по обычаю, скромно, тихо, безъ малѣйшей церемоніи, и остановился въ загородномъ дворцѣ князя Воронцова. Здѣсь, послѣ утрени (23 числа), онъ вышелъ изъ молебни, благословилъ присутствовавшихъ, а мнѣ служившему сказалъ: «хорошо, спасибо!... Литургію тихо и умиленно служилъ въ соборѣ, и проповѣдывалъ изъ текста: «Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ... Тако да погибнуть грѣшницы отъ лица Божія, а праведницы да возвеселятся», — о загробной жизни вообще, и въ частности о блаженствѣ праведныхъ и мученіяхъ грѣшниковъ. Онъ говорилъ долго, громко и съ особеннымъ одушевленіемъ. Всѣ слушали съ умиленіемъ, многіе воздыхали, на глазахъ иныхъ видѣлись слезы, какъ это обыкновенно бывало при его поученіяхъ. Никто изъ предстоящихъ не думалъ тогда, конечно, что это уже послѣднее слово нашего златоуста, что отсель навсегда умолкнуть сладко-глаголивый уста его, что симъ священнодѣйствіемъ въ соборномъ храмѣ симферопольскомъ оканчивалось его столь всегда торжественное и трогательное Богослуженіе... На молебнѣ, скитскому іеромонаху Прокопію данъ крестъ за труды его во время военное.

Въ Симферополь владыка имѣлъ постоянныя совѣщанія съ начальниками края — о благоустройствѣ вообще всей Тавриды и въ особенности церквей и монастырей, о средствахъ къ уничтоженію расколовъ, о возвышеніи христіанской Церкви учрежденіемъ въ Крыму кафедръ православнаго епископа, и о мѣрахъ къ исполненію сего предположенія.

Предложилъ устройство церкви въ военномъ симферопольскомъ госпиталѣ, съ указаніемъ на средства къ содержанію въ ней священника, и общалъ ходатайствовать о семъ у военного министра. Поручалъ мнѣ заготовить окончательную отписку объ отводѣ земель нѣкоторымъ скитамъ, и назначалъ священниковъ на мѣста праздныя. При чтеніи исторіи русской Церкви пр. Макарія, между прочимъ замѣтилъ: «не мало у меня собрано рѣдкихъ матеріаловъ по этому предмету. Но когда займешься имъ—Богъ вѣсть»... По полученіи отъ меня подробныхъ свѣдѣній о состояніи симферопольскихъ градскихъ церквей, о дѣлахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а также и о церковныхъ библіотекахъ, о чемъ вездѣ постоянно заботился, велѣлъ доложить въ Одессѣ; при этомъ указалъ мѣсто на площади, у новаго фонтана, для новой Петро-Павловской церкви, и подобное же для новой греческой. Въ то время въ письмѣ въ Одессу къ архимандриту Діонисію выражалъ свое удовольствіе отъ окончанія главнѣйшихъ желанныхъ дѣлъ.

24 числа долго гулялъ по саду, и между прочимъ спросилъ меня: «что, каковъ Симферополь»?—Довольно хорошъ, но тѣсно построился. — «Да; жаль, особенно того, что мало церквей»... Потомъ говорилъ о дѣлопроизводствѣ въ консисторіи: «Какъ оно не исправно! Скоро, Богъ дастъ, все это передѣлаю: сокращу канцелярскихъ, измѣню и упрошу форму, и дамъ скорѣйшій ходъ дѣламъ». «А затѣмъ надобно рѣшительнѣе взяться и за дѣло объ изданіи при консисторіи епархіальнаго журнала. Въ немъ будемъ помѣщать главныя епархіальныя распоряженія и проповѣди лучшихъ священно-служителей и проч: это принесетъ не малую пользу епархіи и покажетъ другимъ, что мы не безгласны и кое-что дѣлаемъ». Далѣе замѣчалъ: «Какая

здѣсь растительность! Есть ли это орѣховое дерево на сѣверѣ, хотя въ Вологдѣ или вашемъ Новгородѣ (уроженецъ новгородскій, я жилъ съ нимъ въ Вологдѣ); а нравится ли эта дача? Какъ думаешь, хорошо ли было бы жить здѣсь? Посмотри, какъ величественъ Четырь-Дагъ! Мѣстами онъ покрытъ лѣсомъ, хотя отсюда не видно; сколько разъ бывали мы на немъ; а бѣлыя тамъ полосы — видишь? Это полосы снѣгу; какъ онѣ малы, а вѣдь тянутся на цѣлыя версты... Смотри во всѣ глаза на природу крымскую; сравнивай здѣшнія горы и растительность съ тѣмъ, что видѣлъ за Ураломъ», (я служилъ въ Иркутскѣ). Этого же числа приказано мѣстному благочинному собрать все симферопольское духовенство, когда на обратномъ пути владыка будетъ въ Симферополь. «Да хотѣлось бы посмотрѣть и на гимназію», прибавилъ преосвященный. Тутъ подали мнѣ депешу изъ Одессы. Извѣщая меня о рожденіи сына, выражались въ ней такъ: «въ замѣнъ падшихъ героевъ Севастополя, 23 числа, въ 7 часовъ по полудни, благополучно родился вамъ рослый Вечеславъ» и прочее. Прочитавъ ее, онъ сказалъ: «А, поздравляю! Ну вотъ ты безпокоился. Господь все устроилъ. Да почему же Вечеславъ — это чешское»? — Какъ славянское, оно наше же, сказалъ я; притомъ кстати: у насъ есть Владиміръ и Всеволодъ. «Такъ; но почему бы не ближе — напр. Сергій Радонежскій, Антоній, Θεодосій Печерскіе»?...

25 числа — Бурлюкъ, мѣсто Алмійской битвы. Алма, какъ Кача, Бельбекъ и Салгиръ, маленькая, но быстрая и во время дождей многоводная рѣка. Преосвященнаго встрѣтили здѣсь хлѣбомъ и солью. Съ праваго низменнаго берега рѣки — позиціи непріятеля, отъ трактира, чрезъ мостъ, до самой высоты лѣваго берега — нашей позиціи,

его преосвященство шелъ тихо, по мѣстамъ останавливаясь; внимательно осматривалъ поле битвы, съ подробностью спрашивалъ очевидцевъ о дѣлѣ, слушалъ чтеніе реляціи о семъ князя Меньшикова. У моста, гдѣ была самая сильная схватка сражавшихся, долго и задумчиво стоялъ онъ и потомъ спросилъ : « гдѣ бы лучше поставить здѣсь часовню » ? Я указалъ на площадку, въ полугорѣ лѣваго берега, противъ самаго моста. « Да, отвѣчалъ владыка, мѣсто хорошее, и прямо противъ моста, пункта сильнѣйшаго кровопролитія... Только поставить бы на подобіе Казанскаго памятника, — видѣлъ ты? — въ формѣ пирамиды, съ малою внутри церковію или по крайней мѣрѣ часовнею, для ежегоднаго поминовенія убитыхъ, въ день сраженія ». Дорогою, по приказанію преосвященнаго, собрано нѣсколько камышковъ и цвѣтовъ, на память объ Алмійскомъ полѣ. Подошли къ большимъ землянымъ насыпямъ, кой-гдѣ покрытымъ камнями. Въ концѣ ихъ крестъ — съ англійскою надписью. Это наши солдатскія могилы. Здѣсь я служилъ паннихиду ; а онъ , нѣсколько отдалившись отъ насъ , молился долго, долго, на колѣнахъ. Поднявшись на одинъ изъ кургановъ, гдѣ стоялъ Меньшиковъ, онъ сказалъ : « вообразите состояніе отчаянно-заброшеннаго сюда союзнаго войска! — въ какой, думаю, опасности и страхъ было оно ? — Наполеонъ, вѣрно, охалъ тогда и не спалъ ночи ; онъ хорошо понималъ этотъ рискъ — особенно съ его-то стороны. Если бы у насъ побольше войска , тогда непріатели — просто остались бы въ нашихъ рукахъ, и не было бы послѣдовавшаго за тѣмъ такого страшнаго кровопролитія... Мнѣ очевидецъ и знатокъ дѣла рассказывалъ, что дѣло при Алмѣ, съ нашей стороны, было не очень умно. Но за то въ отступленіи мы показали не мало тактики и стратегіи »...

Потомъ : «отъ насъ, конечно, зависѣло выбрать это мѣсто для сраженія — или подвинуться далѣе отъ берега моря. Я бы поставилъ войско тамъ у рѣки, треугольникомъ, и мостъ отстоялъ бы и удержался бы на позиціи, безъ такого урону»... Еще разъ съ высоты осмотрѣли все поле битвы. Когда здѣсь указали на мѣсто отступленія нашихъ, владыка сказалъ : «вотъ тутъ Меньшиковъ ободрился : лично командовалъ прикрытіемъ отступленія умно и стойко, самъ не бывъ внѣ опасности». Ниже мѣста палатки главнокомандующаго, напротивъ могилъ, онъ сѣлъ и, помолчавъ, сказалъ : «какая тема для поэта !... Откуда, думаю, съ какихъ концовъ Россіи не пришли сюда спящіе подъ этими насыпями ?... Изъ Перми, можетъ быть, съ Астрахани, съ Дона, Волги, отъ Днѣпра»...

Затѣмъ говорилъ съ поселянами, поручалъ имъ просить мѣстнаго владѣльца окопать и обсадить деревьями кладбище, предложилъ закуску всѣмъ собравшимся, въ томъ числѣ и Татарамъ, самъ обдѣлил иныхъ апельсинами, и высказавъ желаніе поѣхать дорогою, которою отступили наши и шли непріатели, отправился далѣе.

Спускаясь пѣшкомъ съ крутой горы въ бахчисарайскую долину, преосвященный разговаривалъ о мѣстной и вообще о крымской растительности. «На Южномъ-то берегу, посмотришь, на страшныхъ отвѣслыхъ скалахъ, гдѣ, кажется, и пыли, не только земли, нѣтъ, — лѣятся деревья и кустарники. Чѣмъ они тамъ питаются, Богъ одинъ знаетъ». При встрѣчѣ съ крестьяниномъ, везшимъ лѣсъ, владыка остановился, спросилъ, куда везетъ лѣсъ и почему думаетъ продать, и потомъ высказалъ сожалѣніе о немилосердномъ истребленіи крымскихъ лѣсовъ, и въ такой еще безлѣсной сторонѣ, какова наша Новороссія, и при такомъ

неистощимомъ богатствѣ другаго горючаго матеріала, антрацита... «Вотъ въ этомъ ущельѣ Бахчисарай; не увидишь, пока не подъѣдешь къ самому городу. Настоящее разбойничье гнѣздо; такъ и видно, что жили разбойники. А то далѣе — пресловутыя Мекензiевы горы. Какими путями кружили мы здѣсь въ то время, когда непріатель, стремясь съ Алмы, обходилъ Севастополь!... Намъ хотѣлось тогда еще разъ благословить этотъ городъ на кровавый подвигъ его»!...

Вечеръ 25 числа — Бахчисарай и Успенскій скитъ. Привѣтливо благословилъ архипастырь пустынныхъ тружениковъ. Обитель — въ совершенномъ уединеніи, между громадныхъ вѣковыхъ скалъ. «Вотъ мы и поустроились, слава Богу, говорилъ владыка, проходя по монастырю? — А какова мѣстность? Не правда ли, это совсѣмъ другой, особый міръ. Здѣсь-то работать для единого на потребу; никто и ничто не мѣшаетъ. И такія мѣста были оставлены безъ вниманія, и о святыняхъ Крыма, гдѣ пролили кровь свою за Христа первые просвѣтителѣ этой страны, гдѣ крестился нашъ Владиміръ равноапостольный, — о такой святынь было забыто въ православной Россіи! Благодарю всегда Бога, что удостоилъ меня потрудиться для священной древности и съ тѣмъ вмѣстѣ поставить крестъ на пустынныхъ пространствахъ Новороссіи, какъ помогъ Онъ мнѣ поднять изъ развалинъ вѣковыя обители харьковскія» .. Далѣе разговоръ былъ о состояніи и нуждахъ скита. «А Бейнъ (караимскій раввинъ въ Чуфутъ-Кале, подлѣ бахчисарайскаго скита) доселѣ беспокоитъ васъ? — говорилъ преосвященный настоятелю. — Негодный человекъ: для мнимой древности жидовства въ Чуфутъ-Кале, этомъ извѣстномъ всѣмъ укрѣпленіи Генуезцевъ, — онъ сочинилъ басню, наполнивъ ее

самыми нелѣпыми и противорѣчащими фактами; насильно тянетъ туда жидовъ; дурить всѣхъ, все — чтобы удержаться въ Чуфуть-Кале, и стѣснить совершенно монастырь, вѣковой домъ Богоматери. Жуковский (таврический губернаторъ) пожалъ плечами, когда я объяснилъ ему плутни Бейна... Но, довольно: надобно обличить его. Завтра, о. архимандритъ, позовите его ко мнѣ». Было сыро и холодно. Я замѣтилъ это; но преосвященный сказалъ: «вотъ когда вздумалъ беречься! Это нужно дома, а не въ дорогахъ». Онъ былъ здоровъ и веселъ.

26-го числа утромъ архипастырь занимался дѣлами сосѣднихъ церквей и скитовъ, принималъ духовенство. Долго говорилъ съ Бейномъ: что сильно огорчило и беспокоило его. Вскорѣ затѣмъ посылалъ меня осмотрѣть въ подробности Бахчисарайскій соборъ, устрояемое при ономъ греческое училище и предположенный къ обращенію въ православную часовню памятникъ Маріи Потоцкой. Въ 11 часовъ былъ въ банѣ, гдѣ проговаривалъ, что у него болитъ лѣвый бокъ. По выходѣ изъ бани, посидѣлъ у архимандрита, которому говорилъ: «дай намъ, пожалуйста, въ Одессу кого нибудь поблагонадежнѣе изъ братіи. Жаль? Эгоисты вы-всѣ. А вотъ я своихъ отправилъ на Дунай, когда потребовала нужда, и остался почти ни съ кѣмъ; жди пока пришлютъ». Весь этотъ день онъ занимался дѣлами церквей и скитовъ. Мнѣ съ о. архимандритомъ поручилъ повѣрить записку Бейна о Чуфуть-Кале и сказать о ней свое мнѣніе; а мѣстнаго благочиннаго отправилъ съ пѣвчими въ Севастополь, гдѣ 28-го числа предполагалъ служить литургію, молиться на военныхъ кладбищахъ и сдѣлать крестный ходъ на главные бастіоны. Вечеромъ, съ настоятелемъ скита и подрядчикомъ, распланировывалъ мѣсто для св. воротъ, часовни и гостин-

ницы, и вообще сдѣлалъ окончательныя распоряженія объ устройствѣ скита. Было уже поздно, когда возвратились въ келліи. Преосвященный еще поговорилъ о постройкахъ; былъ радъ, что окончилъ скитскія дѣла, ласково предложилъ намъ закуску, благословилъ всѣхъ и, почти не пивши чаю, ушелъ въ свою комнату: при этомъ высказывалъ не разъ, мимоходомъ, что у него болитъ бокъ.

Въ 3 часа по полуночи (на 27-е число) онъ разбудилъ келейниковъ, жаловался на простуду и принималъ парную. ножную, ванну. Послѣ говорилъ о своей болѣзни такъ: «я почувствовалъ въ груди боль, какъ бы кто мечъ всадилъ въ нее». Въ 6 часовъ утра прибылъ бахчисарайскій медикъ и прописалъ растираніе груди и микстуру внутрь. «Какъ бы я хотѣлъ заснуть теперь», говорилъ владыка. «А вы, — обращаясь ко мнѣ и о. архимандриту, сказалъ, — сходите, пожалуйста, въ церковь и отслужите молебень о моемъ выздоровленіи». Тогда же отправленъ нарочный въ Севастополь объ отсрочкѣ Богослуженія. Весь этотъ день провелъ больной безпокойно, безъ сна и пищи, и былъ очень слабъ; при всемъ томъ, какъ и во все время болѣзни, занимался дѣлами. При прорытіи новой дороги, въ полугорѣ, нашли истлѣвшую гробницу и старинную греческую панагію. Владыка принялъ ее, перекрестился и, поцаловавъ, оставилъ у себя. Ночь на 28 число онъ провелъ безпокойно и безъ сна.

Къ разсвѣту 28 числа, пріѣхалъ въ скитъ настоятель херсонисской обители, іеромонахъ Евгеній, съ бумагами изъ Одессы. Владыка разбиралъ бумаги, спрашивалъ о дѣлахъ, и, жалуясь на свою болѣзнь, говорилъ: «худо намъ. Иди, другъ мой, возьми съ собой двухъ пѣвцовъ и отслужи молебень». Послѣ молебна выѣхалъ въ балаклавскій мона-

стырь, куда прибылъ вечеромъ, въ самую дождливую и вѣтренную погоду. На пути, чрезъ Мекензіеву гору, не выходя изъ кареты, осматривалъ мѣста битвъ по Инкерманской и Байдарской долинахъ, на Черной рѣчкѣ и проч. Послѣ дороги чувствовалъ себя худо: былъ въ изнеможеніи, проводилъ ночи безъ сна, и не имѣлъ вовсе аппетита. Севастопольскій медикъ Анопрѣнко, съ которымъ владыка по-долгу разговаривалъ о магнетизмѣ, — прописалъ лекарство внутрь, нюхательный порошокъ и растираніе груди, совѣтуя больному быть, какъ можно, спокойнѣе и беречься простуды. Послѣ этого, преосвященный говорилъ: «этотъ медикъ давно служить здѣсь; онъ рассказывалъ, что въ Крыму бываютъ отъ простуды такія болѣзни, которыхъ не выносить иногда и натура солдатская. Какая натура у русскаго солдата, и та не переноситъ крымской простуды, особенно весенней». При этомъ онъ объяснялъ подробно: какъ отъ простуды какая то въ тѣлѣ жидкость выползаетъ изъ своихъ конуръ, падаетъ на дыхательные органы и душитъ человѣка.

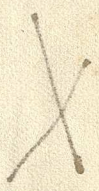
29 числа владыка предполагалъ освятить новую церковь въ херсонесскомъ скиту св. Владиміра — мѣстѣ крещенія Равноапостольнаго. Болѣзнь усилилась, и освященіе поручено балаклавскому архимандриту, при чемъ особенно наказано помолиться о болящемъ на обѣдни и молебнѣ. 30-го числа, въ день освященія херсонесской церкви, куда преосвященный собирався было ѣхать помолиться, съ нимъ неожиданно произошли частые и довольно продолжительные обмороки. При освященіи херсонесской церкви, я сильно простудился. Узнавъ объ этомъ, добрый архипастырь позвалъ меня и сказалъ: «я слышалъ и ты нездоровъ. Скорѣе посоветуйся съ докторомъ, но пока онъ пріѣдетъ, вотъ подѣ

рукою лекарство: ходи внизъ къ морю и обратно — этимъ обезсилишь простуду». (Обрывистый, крутой, берегъ моря, у балаклавскаго монастыря, — вышиною около версты).

30-го Апрѣля и 1-го Мая, больной былъ въ самомъ разслабленномъ состояніи, и иногда въ забытіи, и тогда, какъ самъ послѣ рассказывалъ, — ему представлялась какая-то удивительная перестановка вещей и измѣненіе обыкновеннаго, міроваго, порядка. Видно было по всему, что высокая душа святителя какъ бы двинулась изъ своихъ тѣсныхъ земныхъ предѣловъ, и прозрѣвала уже, сквозь таинственную завѣсу, въ тотъ невѣдомый міръ, куда было суждено ей скоро переселиться.

2-го числа утромъ его преосвященство позвалъ къ себѣ монастырскаго духовника, іеромонаха Герасима, и сказалъ ему: «отче, я желалъ бы исповѣдаться. Тихонько, не говоря никому, приди ко мнѣ сегодня вечеромъ, возьми съ собою, что нужно, эпитрахиль, крестъ, требникъ». Духовникъ исполнилъ святое желаніе архипастыря. Вечеромъ онъ исповѣдался и провелъ съ о. Герасимомъ довольно долгое время. Всю эту ночь былъ онъ уединенъ, въ особенномъ молитвенномъ бдѣніи. А 3-го числа утромъ, послѣ ранней обѣдни, отъ того же іеромонаха принялъ причастіе св. таинъ, при настоятелѣ и братіи монастыря.

4 числа чувствовалъ себя лучше; почему на 5 назначилъ служеніе въ ближайшей монастырской церкви; отправлялъ бахчисарайскаго архимандрита въ Инкерманскій скитъ, для назначенія мѣста новому строенію, а меня посылалъ въ Севастополь, для осмотра военныхъ кладбищъ, разрушенныхъ градскихъ церквей и церковныхъ домовъ. «Жаль, говорилъ при этомъ владыка, что не могу еще разъ быть на солдатскихъ могилахъ. Мнѣ поручены онѣ. По-

смотри, что тамъ дѣлается; есть ли ограда и гдѣ лучше поставить церковь. Да помолись и отъ меня. Сообразите съ благочиннымъ, что изъ разрушеннаго при церквахъ можно исправить и какими легче средствами. Взгляни же и на церковь, и на площадь, гдѣ мы молились подъ громами войны, и потомъ скажешь — что эта церковь? — исправлена ли послѣ разрушенія, и если нѣтъ, то почему? По возвращеніи изъ Севастополя, я доложилъ преосвященному, что ограда очень приличная обводится кругомъ военного кладбища, и что церковь хорошо бы поставить выше онаго, надъ серединою, въ полугорѣ. На это онъ сказалъ только: «Пожалуй!» А отъ благочиннаго потребовалъ рапортъ и написалъ на немъ пространную резолюцію о возобновленіи церковнаго дома при Петро-Павловской церкви. Разсматривалъ планы скитовъ, особенно заботился объ участи бывшаго въ плѣну балаклавскаго монастыря.

5 числа, по слабости, не служилъ, но присутствовалъ при богослуженіи въ церкви, гдѣ произвелъ въ протоіерея настоятеля севастопольской Петро-Павловской церкви, бывшаго неотлучно на своемъ мѣстѣ, во все время осады города.

6-го числа еще разъ взглянулъ на Севастополь, его развалины и укрѣпленія: «Бѣдный городъ! болѣзненно произнесъ владыка». Былъ въ херсонисскомъ скиту *). Видъ бѣдной обители, изрытой непріятельскими траншеями, едва возникающей изъ развалинъ, болѣзненно подѣйствовалъ на попечительнаго архипастыря. — Здѣсь настоятель встрѣтилъ архипастыря со крестомъ и святою водою и привѣт-

*) Что нынѣ первоклассный херсонисскій монастырь, близъ г. Севастополя.

ствовалъ его слѣдующими словами : «Вниди, преосвященнѣйшій владыко, и входъ твой да будетъ залогомъ радости сей страждущей землѣ ; благовѣстуй намъ миръ».

Въ Скитской церкви , послѣ обычной молитвы , одного брата благословилъ онъ въ рясофоръ , назвавъ Ефремомъ , по имени одного изъ священномучениковъ херсонисскихъ. Обходя потомъ храмъ и указывая на малыя узкія окна олтаря , замѣтилъ : «прекрасно сдѣлали, придержавшись старины ; это очень кстати на древнихъ развалинахъ» ! Въ братскихъ келліяхъ пробылъ около часу. Кушалъ немного чаю, и, увидѣвъ здѣсь свой портретъ, сказалъ настоятелю : «зачѣмъ ты мертвеца этого повѣсилъ на стѣну ; убери его». Потомъ : «живи же , не скучай, пиши каждую почту хоть два слова, что ты живъ ; а соскучишь, прибѣги въ Одессу ; да займись изученіемъ Крыма ; мы у тебя устроимъ центръ ; заведешь училище, бібліотеку ; ты жилъ при мнѣ, теперь я тебя оставляю одного, думай и живи своимъ умомъ, учись, привыкай къ дѣятельности, а Крымъ-то пожалуйста изучи, и когда я буду у тебя въ другой разъ , потребую строгаго отчета». При этомъ, вынувъ сто пятьдесятъ рублей серебромъ , сказалъ : « на , вотъ тебѣ на новоселье , на хлѣбъ ; а еще пришлю изъ Одессы, по пріѣздѣ, четыреста рублей». — А братіи, благословляя ее, примолвилъ, — указывая на настоятеля: «слушайтесь его ; бѣдовый старецъ ! Мы отъ него довольно терпѣли, теперь и вы потерпите, да трудитесь и живите только , а мы для васъ все сдѣлаемъ, Богъ дастъ». Преподавъ за симъ послѣднія наставленія бывшимъ тутъ настоятелямъ крымскихъ скитовъ и монастырей и назначивъ меня общимъ депутатомъ ихъ въ консисторіи, — возвратился въ балаклавскій монастырь, чрезъ Севастополь, въ вѣтрянную и холодную погоду.

Дорогою, смотря на Севастополь, между прочимъ сказалъ онъ : «не забудь напомнить— въ свое время снестись съ военнымъ начальствомъ объ устройствѣ кладбища на другомъ концѣ города : тяжело бѣднымъ жителямъ, со всѣхъ концовъ Севастополя, носить покойниковъ въ одно мѣсто, на старое кладбище. Да и о разоренной церкви на этомъ кладбищѣ нужно подумать серьезно». Въ балаклавскомъ монастырѣ говорилъ : «какъ жаль, что разстроилась наша поѣздка. Сколько дѣла осталось неоконченнаго ! Правда, можно бы и осенью снова быть въ Крыму. Но, время дорого... Къ тому же надобно полѣниться ; потомъ непременно съѣздить на Дунай, въ Оерапонтіевскій скитъ : тамъ все самому надобно осмотрѣть и устроить. Предметъ важный... Да хотѣлось бы нынѣ же навѣстить и другія церкви, особенно въ военныхъ поселеніяхъ, и, ужъ послѣ того— бы, слѣдующимъ лѣтомъ, съ Богомъ и на Востокъ».

Вечеромъ, поручивъ балаклавскому архимандриту Геронтію, вмѣсто себя, осмотрѣть дальнѣйшія мѣста Крыма, преосвященный продиктовалъ ему слѣдующую инструкцію : *«Кизилташъ. 1) Устроить, какъ можно скорѣе, въ какой нибудь отдѣльной, способной къ тому, комнатѣ, малую церковь, во имя св. Стефана, архіепископа Сурожскаго. 2) Стараться скорѣе окончить дѣло о покупкѣ Кизилташа. 3) Взять рѣшительныя мѣры, чтобы лѣсъ нисколько не былъ рубленъ и все цѣло было до прутинки, а между тѣмъ, нимало не медля, окопать лѣсъ, чтобы заѣздовъ не было, и учредить стражу. 4) Отдать планъ дома съ тѣмъ, чтобы разсмѣтрѣли и сообразили съ мѣстомъ и увѣдомили — есть-ли на все это матеріалъ какой ? Этотъ домъ предполагается къ постройкѣ съ слѣдующею весною. 5) Братіи въ Кизилташѣ покамѣстъ много, а въ другихъ мѣстахъ,*

начиная съ Одессы, крайняя скудость; — нѣтъ ли желающихъ потрудиться для меня и по моему распоряженію — человѣка два, три, года на два, а потомъ они возвратятся спокойно въ Кизилташъ? Таковыхъ о. Арсеній можетъ привезти съ собою въ Одессу на пароходѣ, не тратя времени».

«*Кетерлесъ*. Кумпану (благочинный) спасибо; Гущину (купецъ-строитель киновій) спасибо, — и всѣмъ Керчанамъ большое спасибо. Осмотрѣть все и преподать совѣты, между прочимъ о томъ, чтобы не пускались въ попрошайство, а молились и жили, уповая на Бога; передать это братіи и въ Кизилташѣ, и строго наказать въ прочихъ скитахъ. Проѣздомъ изъ Кизилташа, захватить въ Старый Крымъ и посмотреть, что тамъ сдѣлалъ священникъ съ церковью и съ домомъ церковнымъ. Онъ доносилъ много — есть ли хотя въ половину? О. Михаилу сказать, что онъ, по обстоятельномъ соображеніи всѣхъ его дѣлъ, можетъ явиться на пароходѣ въ Одессу за разрѣшеніемъ всѣхъ недоумѣній!» Къ этой краткой инструкціи присоединены словесныя приказанія и совѣты.

Сдѣлавъ подобныя наставленія касательно и другихъ св. мѣстъ полуострова, отслушавъ напутственное молебствіе, и ласково простившись съ братіею, 7 числа его преосвященство выѣхалъ изъ монастыря обратно — въ Одессу, куда спѣшилъ съ первыхъ дней болѣзни, повторяя: «ахъ, какъ бы скорѣе домой: пожалуй — и умрешь здѣсь». Вообще, все время пребыванія своего въ балаклавскомъ монастырѣ, онъ былъ слабъ, безъ сна проводилъ всѣ ночи и не имѣлъ аппетита. Часто поручалъ молиться о немъ въ церкви, а келейниковъ заставлялъ, по ночамъ, читать въ слухъ молитвы, особенно псаломъ: «Помилуй мя, Боже»; непрерывно почти занимался дѣлами: по словамъ его, приготовлены мною

отношенія — къ военному министру, о жалованьи флотскимъ іеромонахамъ; къ новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору, объ отводѣ въ Крыму свободныхъ участковъ земли, для раззоренныхъ крымскихъ скитовъ; къ таврическому губернатору, о притѣсненіяхъ нѣкоторымъ обителямъ отъ сосѣднихъ владѣльцевъ, — и представленіе св. синоду, о вспомоствованіи крайне-обѣднѣвшему балаклавскому монастырю. Посылалъ письма къ разнымъ лицамъ, прося всѣхъ молиться о немъ. Слушалъ чтеніе книгъ; назначалъ денежныя пособія скитамъ, принималъ поспѣтителей; окончательно исправилъ акаѳистъ ко причащенію св. таинъ и прочъ:

Отъ Балаклавы до Инкерманской долины, неразъ вставалъ изъ экипажа и подолгу шелъ пѣшкомъ; въ это время указывалъ на мѣста непріятельскихъ лагерей, и говорилъ о военныхъ дѣлахъ.

Съ 7-го на 8-е число ночевали въ Симферополѣ. Услышавъ о болѣзни архипастыря, духовенство изъ разныхъ мѣстъ поспѣшило къ нему навстрѣчу. Но онъ никого почти не принималъ, исключая г. Кашкадамова, ревнителя крымской святыни (по особенной проницательности своей, владыка вездѣ умѣлъ находить людей преданныхъ благу Церкви). Велѣлъ мнѣ узнавать о нуждахъ всякаго являвшагося и послѣ доложить ему. Когда боль въ груди усилилась, онъ принялъ на нее пластырь. Изъ Симферополя послалъ, за собственноручнымъ подписомъ, предписаніе настоятелю бахчисарайскаго собора, объ устройствѣ оградъ и часовень на военныхъ кладбищахъ (на Качѣ и Бельбекѣ), кои на пути молитвенно благословилъ. Пересматривалъ присланныя бумаги и письма; заботился, какъ и во все время, отпискою по дѣламъ болгарскимъ. О безмездномъ надѣленіи болгарскихъ

церквей богослужебными славянскими книгами, мною приготовлено было, отъ имени его преосвященства, представленіе въ святѣйшій синодъ. Предъ отъѣздомъ принималъ настоятеля и старосту керченскаго собора, коимъ поручилъ благоустройство новаго скита, Кетерлесскаго, и вообще попеченіе о городскихъ церквахъ.

8-го числа, въ 6 часовъ вечера, прибылъ въ Перекопъ, гдѣ, чувствуя особенное изнеможеніе отъ дороги, совѣтовался съ мѣстнымъ врачомъ, который, прописавъ капли, уговаривалъ его отдохнуть на мѣстѣ дня два. Принималъ управляющаго таврическою палатою. Былъ особенно тихъ и добръ ко всѣмъ. Здѣсь однажды сказалъ мнѣ: «посиди здѣсь. Что, съ тобою не бывало обмороковъ? — Странное какое-то, особенное состояніе... Перемѣняются предметы... Являются новые образы... Какъ будто другой міръ... Въдь, со смертію, взоръ у человѣка мгновенно разширится, какъ, на примѣръ, предъ поднявшимся на высоту вдругъ открывается большое пространство»... Ночь провелъ безъ сна, безпокойно, и утромъ (9 числа) въ 8-мъ часу выѣхалъ.

Дорогою останавливался у двухъ священниковъ: одному совѣтовалъ заняться хозяйствомъ и сдѣлать деревянный полъ въ комнатахъ, у другаго похвалилъ хату, которая была вмѣстѣ и кухня. Здѣсь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «когда дорогой увидишь такую теплую и сухую хату, тутъ и останавливайся».

9-е число, — Корсунскій монастырь. Владыка долго бесѣдовалъ съ преосвященнымъ викаріемъ, о назначеніи коего въ іерусалимскую миссію только что полученъ былъ синодальный указъ; пересматривалъ планы монастырскихъ перестроекъ; дѣлалъ распоряженія касательно устройства

монастыря и сосѣднихъ благочиній; подписалъ бумаги къ нѣкоторымъ лицамъ, и приказывая мнѣ собрать свѣдѣнія о нуждахъ монастырской братіи, спросилъ: «что каковъ монастырь? Видѣлъ церкви, келліи, сады? — все цвѣтетъ, благоухаетъ. Не забудь, что я самъ садилъ эти деревья». Ночь, какъ и прежнія, была для больного бессонная и томительная. На слѣдующій день онъ поспѣшилъ выѣздомъ.

10-го числа, минуя Херсонъ и не остановившись въ Николаевѣ, расположился было ночевать за Бугомъ, въ селѣ Варваровкѣ; постлали постель, по обычаю, на полу, изъ сѣна. Онъ немного полежалъ, но вскорѣ болѣзнь въ груди весьма усилилась, и онъ тотъ-часъ выѣхалъ. Дорого стало лучше; онъ заходилъ къ двумъ священникамъ, умывался, пилъ чай, ласково говорилъ съ священниками, спрашивалъ, давалъ совѣты.

11-го числа во 2 часу по полудни прибылъ въ Одессу. Черезъ два часа позвали доктора Далласа, съ которымъ больной провелъ болѣе часу. Вечеромъ былъ въ банѣ и ваннѣ.

12-го числа составленъ консиліумъ изъ докторовъ: Далласа, Энно и Сезеневского. Приложили мушку къ лѣвому боку, отъ чего на другой день (13 числа) больному было легче: онъ ходилъ, немного кушалъ, принималъ посѣтителей и членовъ консисторіи, коимъ роздалъ наперсные кресты за минувшую войну. Въ этотъ день потребовалъ къ себѣ г-на Палаузова, приказалъ ему распорядиться о немедленной высылкѣ въ Болгарію нужныхъ богослужебныхъ книгъ; при чемъ жаловался ему на бессонницу и на мучительную поѣздку изъ Крыма въ Одессу; болѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ.

14-го числа здоровье было въ одинаковомъ положеніи.

Къ 15-му стало хуже: не было аппетита и сна до самой смерти. Первые дни, по прїѣздѣ, онъ принималъ нѣкоторыхъ посѣтителей, а съ 18-го числа никого, кромѣ графа Срогонова.

18-го числа, по настоянію Палаузова, приглашенъ былъ на консилиумъ г. Пироговъ, вмѣстѣ съ прежними врачами, и, странно, болѣзнь найдена не совсѣмъ опасною.

20-го — во второй разъ прїѣзжалъ г. Пироговъ и былъ консилиумъ, въ слѣдствіе чего приложена больному другая мушка; но онъ не чувствовалъ себя лучше и говорилъ присылавшимъ узнавать о его здоровьѣ, что онъ не хуже прежняго. Съ этого дня, по совѣту докторовъ, онъ проѣзжался по городу и два раза на свою дачу. Болѣзнь держалась въ одинаковомъ положеніи, по временамъ только бывали скоро-проходящіе обмороки. Вообще, въ это время онъ былъ въ самой свѣжей памяти и совершенно свѣтломъ умъ, но въ постоянномъ самоуглубленіи и молитвенномъ расположеніи духа; весьма мало говорилъ, рѣчь его была кратка и отрывиста, взоръ вопрошающій и умиленный; не рѣдко видали его молящимся, колѣнопреклоненнымъ: тогда онъ отъ полноты сердца взывалъ: «Боже, буди милостивъ мнѣ грѣшному. Помилуй меня, Господи, помилуй меня, по великой Твоей милости»... Не разъ, за нѣсколько дней до смерти, проговаривалъ окружающимъ: «такой болѣзни у меня не бывало, можетъ быть — я умру». Или: «все что-то плохо; кажется, я умру». Или: «я умру»... Весьма рѣдко прилегалъ, а всегда почти, дни и ночи, или ходилъ тихо по комнатамъ, или сидѣлъ, склонивъ нѣсколько голову на грудь, — часто съ закрытыми глазами, блѣдный, изнеможенный. Занятій не оставлялъ: слушалъ чтеніе книгъ, и преимущественно проповѣдей преосвященнаго митрополита

московскаго Филарета; читалъ очеркъ жизни митрополита Платона; пересматривалъ и исправлялъ, приготовленную еще до болѣзни, службу священно-мученикамъ Херсонисскимъ. Иногда, сидя за письменнымъ столомъ, на лоскуткахъ бумаги слабою рукою писалъ молитвы и стихи изъ псалмовъ Давидовыхъ. Тогда, и вообще во все время болѣзни, продолжавшейся ровно мѣсяць, со всѣми былъ ласковъ, добръ, тихъ и ко всѣмъ внимателенъ — необыкновенно.

Болѣе всего озабочивала его судьба православныхъ братьевъ нашихъ на Востокъ, и въ особенности дѣла болгарскія, почему не разъ въ болѣзни принималъ къ себѣ члена одесскаго болгарскаго настоятельства Палаузова, пользовавшагося его благорасположеніемъ и довѣренностью, и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ. Судьба новоустроваемой придунайской пустыни священномученика Оерапонта также сильно занимала архипастыря; заботясь объ ея благоустройствѣ, 20 числа вечеромъ онъ распорядился командировкою меня въ Молдавію: «Что, посмотрѣлся ли на своего сына? — Такъ — поѣзжай опять, другъ мой, на Дунай. Видишь, я не могу самъ этого сдѣлать, какъ бы хотѣлось и какъ бы нужно было. Читалъ синодальные указы объ этомъ? — Хорошо; по смыслу ихъ, по моимъ замѣчаніямъ, осмотрѣвъ все тамъ снова, сообрази, что и какъ сдѣлано, что надлежитъ сдѣлать, и какъ лучше и какими удобнѣе средствами... Скажи отъ меня поклонъ и спасибо почтмейстеру въ Галацахъ, — прекрасный человекъ? Пусть потрудится во славу Божию и ради пользы братіи... Узнай отъ него, что и какъ наша церковь въ Галацахъ?... И не забудь сказать ему, что о немъ думаютъ и хлопчутъ. Но, я не могу говорить много: грудь тяжело болитъ... увидишь самъ. Приди же завтра, отправишься къ графу Строгонову; ему говорено

обо всемъ». На другой день я нашелъ Владыку тихо прохаживающимся по залу. «Идешь къ графу?»—Иду, преосвященнѣйшій владыко. «Поди же сюда (въ кабинетъ), вотъ ему записка» (собственноручная). По этой запискѣ, немедленно мнѣ выданъ былъ заграничный паспортъ и все нужное для путешествія. Когда потомъ я доложилъ его преосвященству о своей готовности къ дорогѣ, онъ сказалъ: «да хорошо ли теперь?.. Вѣдь, у васъ свадьба, да и Нацвалову обѣщано освятить церковь. Онъ ждетъ. Сдѣлай ужъ сперва это. А хорошій онъ человекъ—Нацваловъ-то,—да! Какой усердный къ церкви,—рѣдкость! Такихъ людей надобно намъ беречь; поздравь его отъ меня съ окончаніемъ св. дѣла: очень радъ»... Тутъ владыка сѣлъ за письменный столикъ, въ кабинетъ, и продолжалъ: «хорошо. А потомъ и на Дунай; ужъ тебѣ выпалъ жребій этотъ. Такъ, вѣрно это, въ Среду — не опоздаешь? — Ну, съ Богомъ»!.. Благословилъ меня, кивнувъ немного головою, и опустилъ ее на грудь, закрывши глаза. Дойдя до дверей кабинета, я оглянулся. Владыка былъ въ томъ же положеніи, согбенный и блѣдный. Тяжело было у меня на сердцѣ. Увы! — какъ оказалось, — это было послѣднее мнѣ благословеніе архипастыря и отца; это было прощаніе мое на вѣки съ тѣмъ, къ кому, въ продолженіи 16 лѣтъ, съ дѣтскою преданностію, обращено было мое лице и сердце. Возвратившись изъ путешествія (28 числа), я нашелъ только гробъ его, оплакиваемый осиротѣвшею паствою.

Далѣе передаю, что говорили другіе. — За нѣсколько дней до смерти, покойный архипастырь сдѣлалъ распоряженіе своимъ деньгамъ, — въ Михайловскій монастырь — на сиротъ, въ крымскіе скиты, родственникамъ и служащимъ при немъ; а находящееся въ печати сочиненіе свое:

«Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» собственноручнымъ предложеніемъ завѣщалъ попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія и канцелярскимъ чиновникамъ консисторіи, объ обезпеченіи коихъ постоянно заботился отечески.

24 числа принималъ г. Палаузова, заботился о его положеніи, и подписалъ о немъ послѣднюю въ С. Петербургѣ бумагу генераль-адъютанту князю Васильчикову. Дѣлалъ распоряженіе о замѣщеніи праздныхъ священнослужительскихъ вакансій, принималъ участіе въ положеніи сиротскихъ школъ и безмѣстныхъ духовныхъ лицъ. Рассылалъ бронзовые наперсные кресты священникамъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, призывалъ пѣвчихъ, обласкалъ ихъ, общая наградить всѣхъ деньгами, и заставлялъ пѣть: «Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ». «Пойте Богу нашему, пойте Царевѣ». «Благообразный Іосифъ». «Величить душа моя Господа». «Взбранной воеводѣ побѣдительная» и «Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ» — воскресный тропарь.

25 числа съ утра до 3 часовъ по полудни пробылъ на своей дачѣ, приказалъ отслужить вселенскую панихиду, что особенно подѣйствовало на благорасположеніе его духа, осматривалъ садъ и хозяйство. Здѣсь каждый кустикъ, каждое дерево, взлелѣянное его попеченіемъ, обращало на себя его вниманіе. Приблизившись къ работавшимъ штатнымъ служителямъ, сказалъ ласково: «Боже, вамъ поможи, хлопцы». Читалъ корректуру печатаемаго сочиненія: «Послѣдніе дни земной жизни Спасителя». Бесѣдовалъ съ о. Герасимомъ, своимъ балаклавскимъ духовникомъ. Предъ самымъ отъѣздомъ, зашелъ еще разъ въ моленную, развернулъ на наловъ лежавшую книгу, положилъ

три земныхъ поклона предъ стоящимъ распятіемъ, и тихо вышелъ, задумчивый. По возвратѣ въ городъ, останавливался противъ собора, и, крестясь, долго и задумчиво смотрѣлъ на него; дома принималъ графа Строгонова, бесѣдовалъ съ нимъ около часу, и, между прочимъ, о великости праздника Святой Троицы — любимѣйшій предметъ его. «Это вѣнецъ христіанскихъ торжествъ, — говаривалъ онъ неразъ, то же что свѣтлый куполь въ величественнѣйшемъ зданіи. Полна душа моя симъ высочайшимъ торжествомъ христіанства: говоришь, бывало, о немъ, сколько угодно, ни мало не готовясь; говоришь, и потокъ неудержимой рѣчи самъ собою льется; говоришь, и не паговоришься». Объ этомъ же бесѣдовалъ и съ княгиней Воронцовой, посѣщавшею его въ болѣзни. Въ этотъ день онъ приказывалъ одному изъ келейниковъ читать канонъ и всю службу Святой Троицы. Послѣ всенощной разговаривалъ, на балконѣ, съ преосвященнымъ викаріемъ.

Къ вечеру ему стало хуже. Между прочимъ, онъ велѣлъ тогда выпустить изъ кѣтокъ всѣхъ птичекъ на волю. Въ 11 часовъ ночи былъ съ нимъ сильный и тяжкій обморокъ, продолжавшійся около часу. Къ этому времени поспѣшили медики. Пришедши въ себя, онъ тихо благодарилъ ихъ за участіе, но говорилъ, что у него ничто не болитъ. Медики удалились, прописавъ ножную ванну и какую-то микстуру, послѣ которой, онъ неразъ просилъ пить. Послѣдніе два съ половиною часа провелъ въ безпокойствѣ, но, какъ и прежде, въ совершенно полномъ умѣ и молитвенномъ расположеніи духа; прилегалъ, постоянно тревожно перемѣняя мѣсто, и заботясь о томъ, чтобы ухаживавшіе за нимъ келейники отдыхали тутъ же, при немъ; приказалъ приготовить себѣ постель, изъ свѣжаго сѣна, на полу, въ гостинной. Подъ

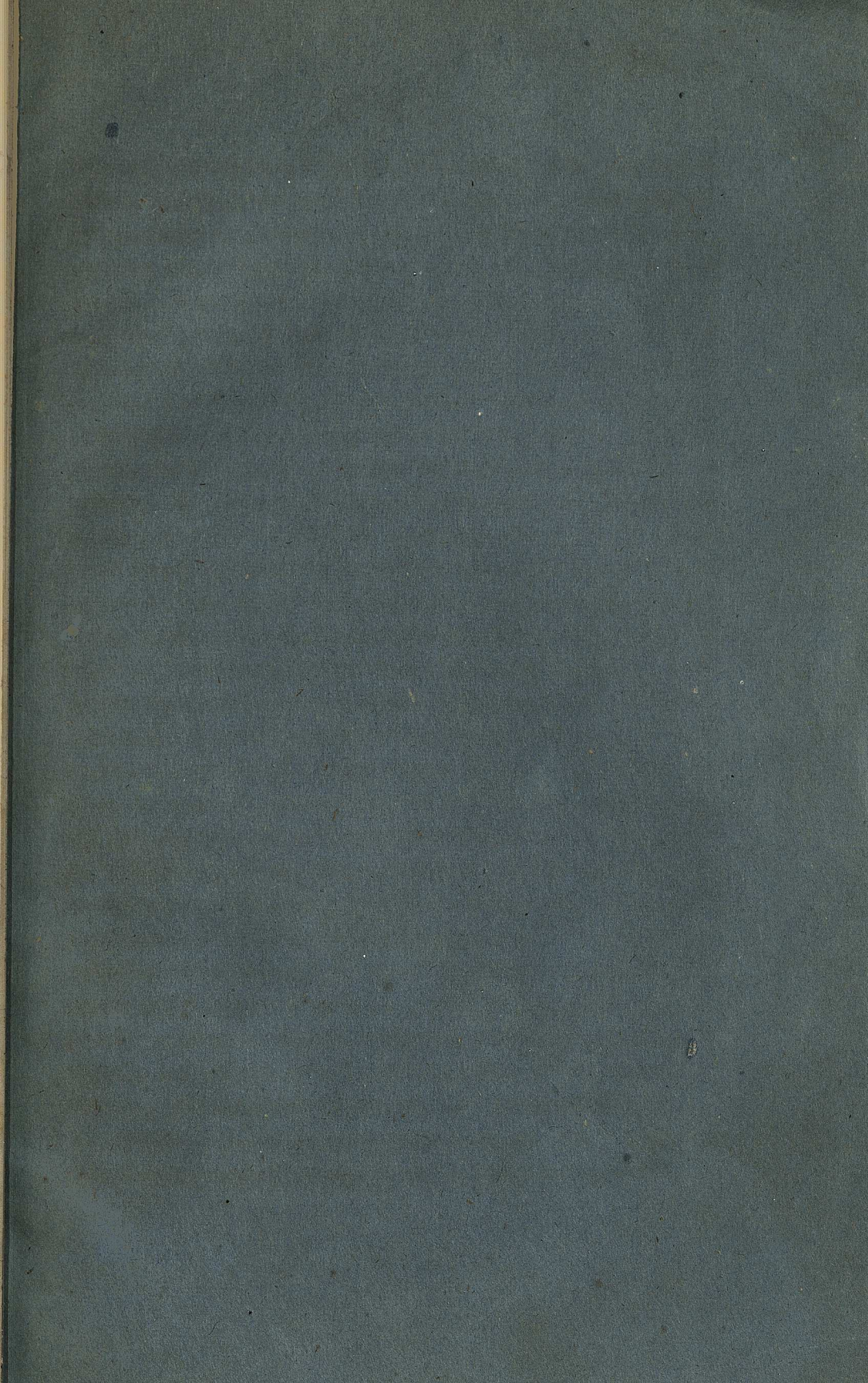
258-61
2575

праздникъ Троицы онъ имѣлъ прежде обычай спать на зеленой травѣ, — такъ же какъ въ 12 часовъ ночи, предъ Богоявленіемъ, при пѣніи тропаря: «во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи», почерпать воду изъ чистаго и отдаленнаго источника, которую потомъ хранилъ и раздавалъ знакомымъ своимъ. Уже свѣтало — часъ былъ пятый въ началѣ, — праздникъ св. Троицы (26 Мая)... Владыка всталъ, набожно перекрестился неразъ, прошелся тихо по всѣмъ комнатамъ, поддерживаемый келейниками, взглянувъ на свѣтъ начинающагося дня, и бросая внимательный тревожный взоръ на окружающіе предметы: «Господи, какой день!»... сказалъ онъ при этомъ. Потомъ, въ гостинной приказалъ положить себя на сѣно; перемѣнялъ нѣсколько разъ положеніе, и, наконецъ, склонившись на грудь, сказалъ два раза: «А вотъ этакъ хорошо». Потомъ, сказавъ поспѣшно: «скорѣе поднимите меня» — на рукахъ двухъ келейниковъ, колѣнопреклоненный, незамѣтно скончался.

(Изъ № 2 Херс. Епарх. Вѣд. 1862 года).

1882
1895

1-3844252